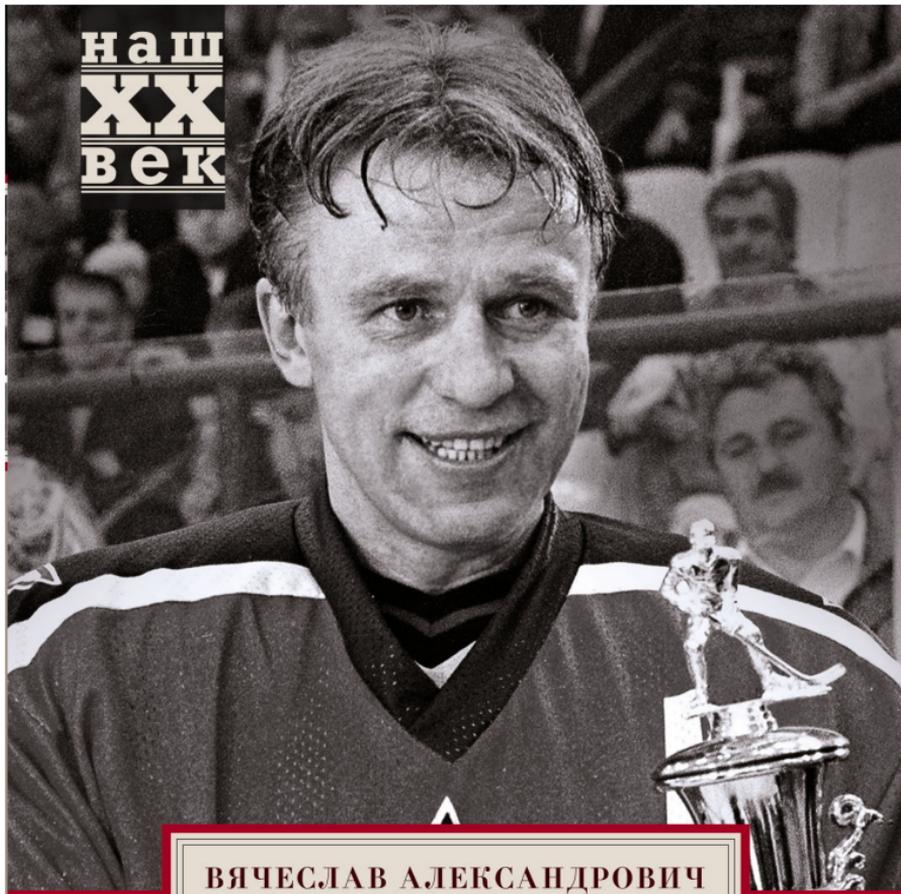

наш
XX
век

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ФЕТИСОВ

★
О ВЕРТАЙМ
ВОСПОМИНАНИЯ
О хоккее и не только...

Вячеслав Александрович Фетисов
Овертайм. Воспоминания.
О хоккее и не только...
Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951503

*Овертайм. Воспоминания. О хоккее и не только... / Фетисов В.А.: Э;
Москва; 2024*

ISBN 978-5-227-07930-5

Аннотация

В этой книге легендарный спортсмен рассказывает о начале своей яркой спортивной карьеры, о хоккее, который для него – вся жизнь и который свел его со многими замечательными людьми, о радостных и трагических событиях в своей судьбе, о горьких потерях.

Много сказано о причинах решения уехать в США, о жизни там, об отношениях с игроками и руководством мировых хоккейных организаций.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	6
Предисловие	8
Глава 1	10
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вячеслав Фетисов

Овертайм. Воспоминания. О хоккее и не только...

наш
XX
век

Серия «Наш XX век» выпускается с 2013 г.

Фотография на суперобложке РИА Новости

В книге использованы фотоматериалы из личного архива

В.А. Фетисова

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Фетисов В.А., 2024

© «Центрполиграф», 2024

Вступление

Книга, которую вы держите в руках, была написана четверть века назад, и посвятил я ее моей семье – родителям, жене и дочери Насте, которая к тому времени уже достаточно подросла, чтобы понимать, какого труда стоят победы.

В книге я рассказывал о перипетиях, связанных с моим становлением, и, конечно, об истории, которая всех интриговала – каким образом произошел мой отъезд в НХЛ. Еще раз хотел бы прояснить свою позицию, потому что до сих пор много разговоров о том, каким образом это происходило и кто в этом участвовал. В книге все описано, и, я думаю, многим будет интересно узнать о том, как на самом деле произошло это судьбоносное для нашего спорта в целом событие.

С момента выхода книги многое произошло в моей жизни – тренерская работа, которая мне очень много дала; годы руководства российским спортом, где мне вместе с моей новой командой удалось поменять коренным образом развитие спорта в нашей стране – разработана федеральная целевая программа, определившая развитие спортивной отрасли на десятилетие и работающая до сих пор; непосредственное участие в продвижении сочинской заявки и универсиада в Казани, события, которые поменяли жизнь целых регионов. Много удалось сделать на этом посту, но об этом я напишу в другой книге, и работа над ней уже идет.

А сейчас, с выходом этого издания, у меня еще раз появилась возможность сказать спасибо всем моим друзьям, тренерам, болельщикам, моей жене Ладе, которая все эти годы рядом со мной, и дочери Насте, которая родила мне внучку и внука – сейчас для меня это самое большое счастье. Менять предисловие, которое было написано к первому изданию, не было никаких причин: книга переиздавалась несколько раз, – и вот перед вами еще одно переиздание. Надеюсь, книга будет интересна моим читателям и моим болельщикам. Получайте удовольствие!

Ваш

A large, stylized handwritten signature in black ink, likely belonging to Fetisov, written in a cursive script.

Фетисов

Предисловие

Почему я назвал свою книгу «Овертайм»? В хоккее этот термин обозначает дополнительное время. Так было угодно судьбе, что мой спортивный век оказался намного дольше того, на который я сам рассчитывал. Мне сорок, а я продолжаю играть в Национальной хоккейной лиге. Для СССР, даже в период самых больших хоккейных достижений, это суперрекорд. Впрочем, и в НХЛ я сейчас единственный игрок в таком возрасте.

Потому пусть я и действующий защитник, но, наверное, право на мемуары я уже заслужил. Конечно, я давно бы забыл, что такое хоккей, если бы в 1989-м не уехал из Советского Союза, правда, пережив на прощание травлю и унижения. Я уехал из страны, где меня считали национальным героем, а различные начальники – предателем и отщепенцем. Об этом страшном для меня времени противостояния с Системой я подробно рассказываю в книге.

Как говорит моя жена Лада, мы успели в последний вагон уходящего поезда. Я благодарен Ладе – моей любви и опоре – за помощь в написании этой книги, где она, по существу, мой соавтор. Я благодарен многим моим друзьям, которые поддержали меня в трудные дни, надеюсь, я никого не забыл упомянуть. Спасибо моему другу журналисту Виталию Мелик-Карамову, который помог мне собрать рукопись.

Играя в «Детройт Ред Уингз», одной из сильнейших команд Лиги, я, конечно, постоянно ощущаю поклонение американских болельщиков, но я знаю, что и на Родине меня помнят и уважают. И эта поддержка в двух странах дает мне все новые силы. Как и то, что я занимаюсь делом, которое считаю своим и которое невероятно люблю. К счастью, хоккей мне ответил тем же.

Вячеслав Фетисов

Детройт, 1997 г.

Глава 1

Оллстарзгейм – игра всех звезд

12 декабря 1996 года у меня дома, в Детройте, раздался телефонный звонок. Поднимая трубку, я еще не знал, что ожидающее меня известие – итог восьми нелегких, но счастливых для меня лет. Итог восьми сезонов в НХЛ.

Я уже несколько дней болел (в команде был сильный грипп), на лед не выходил, но в этот день после тренировки, около четырех часов, вместе с командой я должен был улетать на игру в Даллас. Утром приехал на стадион, но тренер мне сказал: «Не переодевайся, отправляйся обратно домой и приезжай прямо к самолету». Я вернулся домой, мне становилось все хуже и хуже, прилег на пару минут и уснул. Моя жена Лада встречала нашу пятилетнюю дочь после подготовительной школы, потом они должны были ехать то ли на музыку, то ли в бассейн, в общем, дома никого не было. В начале четвертого быстро оделся и спустился вниз. Смотрю, индикатор «месседж» («вызов») горит на телефоне, а времени до самолета впритык, но нажал на кнопку автоответчика. Слышу голос генерального менеджера. Как правило, если он звонит тебе домой после обеда, значит, что-то не в порядке: или тебя меняют, или с тобой какие-то проблемы. Менеджер «Детройта» обычно не торопится говорить о главном: «При-

вет, Слава, как дела? Это Джимми звонит... У меня есть для тебя хорошая новость. Только что позвонил мне Гарри Бетмен (комиссионер Лиги, то есть ее руководитель), он сказал, что ты выбран в Оллстарз». Оллстарзгейм – это своеобразный энхаэловский турнир, когда встречаются сборные двух конференций – Запада и Востока. Комиссионер располагает двумя голосами, чтобы выдвинуть кандидатуры игроков для каждой конференции от себя. Обычно он называет свои кандидатуры исходя из принципов: сколько эти люди сделали для хоккея, какой у них авторитет в Лиге, их репутация. В общем, происходит выбор заслуженного и морально безупречного ветерана, выбор, наверное, непростой, потому что в Лиге почти семьсот хоккеистов в обеих конференциях, которые играют в двадцати шести командах. Каждое названное имя должно получить от комиссионеров комментарии в газетах, и, не скрою, мне потом было приятно прочесть о моих «выдающихся заслугах в хоккее» и дальше в том же духе.

Оглушенный новостью, я выскочил из дома, еду в аэропорт, и какое-то странное состояние: с одной стороны, нужно радоваться, с другой – появилось ощущение, мешающее первым восторгам. Может, действительно в сознании это сообщение как-то перекликалось с другим звоночком: пора, значит, заканчивать. Не знаю, но сразу одной только радости не было. Подъехал на стоянку к нашему самолету («Детройт» летает на собственном лайнере), кто-то уже знал про мою кандидатуру на Оллстарзгейм, кто-то нет, но новость

разошлась быстро, ребята поздравили меня. Прилетели мы в Даллас, пошли ужинать, я позвонил домой, но Лада с Настенькой еще не вернулись. После ужина звоню. Лада в курсе, ей уже рассказали о решении Бетмена, но виду не подает: «А что ты не звонишь? Как дела, какие новости?» Я говорю, что особых новостей нет. Первой не выдержала она: «Что же ты молчишь? Да я уже давно знаю, поздравляю». Лада, по моему, была рада больше, чем я. Столько женских эмоций в трубке! «Отмени билеты в Нью-Йорк, – я ей говорю (мы хотели во время Оллстарзбрейка, так как в Лиге наступают короткие каникулы, слетать в Нью-Йорк), – позвони завтра и отмени билеты».

Оллстарзбрейк – фантастическое событие для американского хоккея. Когда проходит это представление, то наступают пять дней перерыва в регулярном чемпионате. Обычно не занятые в Оллстарз игроки отправляются либо во Флориду загорать и купаться, либо в Колорадо кататься на лыжах. Поэтому каждый строит для себя планы: отдых у американцев – серьезное дело. В середине декабря, перед Рождеством, уже у всех разработаны подробные схемы: билеты, отели – как перед нелегким сражением. А мы с Ладой, русские люди, бесхитростно должны были прибыть в Нью-Йорк и жить в своем доме в Нью-Джерси. В один из вечеров нас пригласили на юбилей жены моего друга. Теперь все меняется: едем в Калифорнию, в Сан-Хосе, где будет проходить Оллстарзбрейк.

Вернулся я из ресторана к себе в номер, а там десятки меседжей на телефоне: звонили из газет, с телевидения, из спортивных изданий, хотели знать мою реакцию на избрание. До Оллстарзгейма оставался еще почти месяц, надо было играть в чемпионате, а «Детройт» в этом месяце валился. Провал возник из-за того, что половина команды болела, мне приходилось играть очень много, так что месяц пролетел как день. Анастасию мы решили с собой не брать, потому что от нас до Калифорнии пять с половиной часов полета, а ехать надо всего на три дня. Она осталась в семье наших американских друзей, Криса и Лори Брошер, а мы отправились вчетвером: прекрасные нападающие Брендэн Шенехен и Стив Айзерман, Лада и я. К Стиви жена потом прилетела прямо в Сан-Хосе, она уже где-то отдыхала с подружкой.

Сели в самолет, клуб купил нам билеты в первый класс, в Америке это раза в три дороже, чем просто в коммерческом. Все выглядело очень солидно. К тому же кто-то из болельщиков, работающих в авиакомпании, прислал каждому по корзине с фруктами и вином. Стюардесса, которая их передавала, сказала, что видит такое в первый раз. Она, похоже, не знала, кто мы и откуда. Если бы экипаж был детройтский, вряд ли бы ей пришлось удивляться. Потом выяснилось, что женщина, вице-президент авиакомпании, – фанатичная болельщица.

Прилетели в Сан-Франциско – это в получасе езды на машине до Сан-Хосе. Нас встретили лимузины, кто хотел – мог

ехать в Сан-Хосе, кто хотел – мог остаться погулять в Сан-Франциско. Айзерман решил остаться во Фриско, сказав, что в отеле Сан-Хосе, куда всех поселят, будет настоящий «зоопарк»: тучи хоккейных болельщиков, тысячи автографов – не отдохнешь. Для Стиви это был не первый Оллстарзгейм, поэтому он мог выбирать. А мы решили поехать именно туда, чтобы почувствовать всю атмосферу этого невероятного хоккейного шоу, тем более что уже договорились с Сережей Макаровым (а он жил в Сан-Хосе) о встрече. Позвонили ему из машины, сказали, что через 40 минут будем в Сан-Хосе, а он радостно сообщил, что уже заказал ужин... в Сан-Франциско. Приехали в гостиницу и только успели бросить вещи в номер, а Серега с молодой женой, Олегом Твердовским (его выдвинули в Оллстарз от «Феникса») и его девушкой уже ждали внизу – и снова поехали в Сан-Франциско, теперь уже вшестером.

Поужинали в хорошем ресторане. Сережу я давно не видел, мы поболтали, потом пошли на нашу тусовку – в этот вечер в Сан-Франциско в ресторане «Планета Голливуд» был прием для участников Оллстарзгейма. Уговорил Макарова, он отнекивался: «Мне неудобно». Это ему неудобно! Великому хоккеисту! Но мы наседаем: «Во-первых, друзей с собой можно брать, во-вторых, ты имеешь к этому делу прямое отношение, а там будет много общих знакомых». Наконец уговорили, и действительно не зря: все подходили к нему, спрашивали о жизни. На приеме оказались ребята, с ко-

торами я играл в Нью-Джерси, а главное, их жены. Тут Лада душу отвела: у кого-то дети появились, у кого-то новые дома, собаки. Часа два Лада болтала, не останавливаясь. За нее я совершенно уверен, но, думаю, и Серега тоже неплохо провел вечер. Напитки, кстати, были любые, но по углам никто не валялся.

Около часа ночи отправились обратно в Сан-Хосе, хотя вечер в «Планете Голливуд» был в полном разгаре, но у Сергея бэбиситтер (нянька) с ребенком сидела, нужно было отпустить ее домой. К тому же на следующее утро, часов на девять, назначили фотографирование. В девять наша конференция – Запад – снималась, а в десять – Восток. В конце концов получалось, что в отпуске ребята делали общественную работу. С одной стороны, конечно, каждому приятно быть в числе Оллстарз, но с другой – это шоу работает на Лигу и у каждого в этом спектакле есть роль.

Оллстарзгейм – популяризация НХЛ, популяризация хоккея. Отмечу попутно, что игра, в которой я принимал участие, транслировалась на сто шестьдесят стран. Это о чем-то говорит? Все герои этого представления ведут себя абсолютно раскованно и естественно. А оно собирает на своей сцене и генеральных менеджеров, и хозяев клубов, и самых великих звезд прошлого, не говоря уже о звездах современных. Посторонних там не бывает, может, поэтому царит семейная обстановка.

Я не знаю, кто финансирует это мероприятие, но почти

уверен, что ответственным за его проведение становится хозяин той команды, где проводится очередной ежегодный Оллстарзгейм. Думаю так потому, что постоянно видел хозяина «Сан-Хосе Шаркс» на всех мероприятиях и везде он участвовал как организатор. Может быть, и Лига входит с какими-то процентами, но мне показалось, что хозяин команды отвечает за все. Но и, естественно, то, что он зарабатывает с этого шоу, идет ему в карман...

Макаров довез нас с Олегом до гостиницы, где мы встретили хозяина «Шаркс» («Акул») прямо у входа. Сергей подошел к нему, поздоровался (он играл у него в клубе почти три года). Спрашиваем босса: «Время – половина второго, что ты здесь делаешь?» Отвечает: «Смотрю, чтобы все было нормально». Секьюрити сумасшедшие – стоят на каждом углу. Зашли в гостиницу – огромный холл, а там кого только нет: и вице-президенты Лиги, и генеральные менеджеры, и игроки, и болельщики. Не знаю, кто же тогда остался в «Планете»?

Так закончился вечер пятницы. А утром, в субботу, был организован транспорт – все по минутам расписано: в восемь уже отходили автобусы и лимузины, кто куда садился, нас отправляли на стадион. Полагалось поставить автографы на всяких предметах, которые принесли в раздевалку: плакаты, клюшки, фотографии. Все это потом продавалось на благотворительном аукционе. Аукцион – часть шоу: люди, которые проводят аукцион, и сами привозят какие-то вещи,

но главные предметы – это личные шмотки и майки звезд. После автографов нужно было надеть форму, приготовленную специально для Оллстарзгейма, и пойти на тимпикчер, то есть сфотографироваться всей командой. Бред Халл опоздал на 20 минут, так и не попал на пикчер. Оказалось, что он с Грецки, а они большие друзья, рванули в Лас-Вегас на ночь, поиграть, а самолет из Вегаса вылетел с опозданием. Грецки успел, потому что у него другая конференция и он фотографировался после нас, а Бред, хотя и участвовал в матче, на фотографию не попал.

Сфотографировались, покатались по кругу, потом снялись по клубному принципу: если два-три человека из одного клуба, то делается фотография и для болельщиков этого клуба. Потом – кто с кем хочет. Нас, бывших советских, оказалось пять человек, двое русских и Олег Твердовский. Мы говорим ему: «Ты же хохол, как ты будешь с нами фотографироваться?» Он отвечает: «Играл за сборную России, имею полное право сниматься с вами». Я, Буре и Олег снялись втроем, а потом все «советские» – вместе, с Санди Озолиньшем и Димой Христичем. Поснимались, подурачились, шайбу побросали. Фотографирование обязательно для всех. Несколько компаний, которые выпускают рекламные карточки, выстроили нас всех еще и в индивидуальную очередь. Каждый должен был сфотографироваться в форме Оллстарз своей конференцией. Потом – встреча с прессой.

Наша команда первой вошла в огромный зал, журнали-

стов просто тьма. Я думал, что ко мне вопросов будет немного, но оказалось наоборот. Больше всего внимания уделяли мне, возможно, потому, что почти все ребята уже участвовали в Оллстарзгейме, а я – новичок. Огромное число вопросов: как, что, почему? Вспомнили все мои приключения с отъездом из СССР: я поразился, люди помнили, что происходило восемь лет назад. Как раз вышла и большая статья Моуры Мандт в журнале «ESPN-Sport» «Последний герой»¹. Долго я стоял в окружении журналистов, вспоминая те уже далекие подробности страшного противостояния. Журналисты были из Европы, Японии, отовсюду, только не из России. Такое международное внимание было довольно приятно, но, может быть, именно в этот момент я подумал: пока помню, все, что было накануне отъезда в США, надо записать. Хотя, наверное, до смерти ничего уже не забуду...

Когда фотографирование и пресс-конференция закончились, мы переоделись и вернулись в гостиницу. У нас осталось всего два или три часа, перед тем как начнется соревнование на мастерство, здесь оно называется «скил-компетишен». Это когда игроки из каждой команды начинают индивидуально соревноваться за победу в специальном номере. Допустим, кто самый быстрый, кто самый меткий, кто лучше бьет буллиты? Каждой команде дается по три попыт-

¹ «Известия» потом ее перепечатали, изменив почему-то название на «Я люблю Вас, Слава Фетисов». Моура долго потом кипятилась, хотела подавать на русскую газету в суд, но я ее отговорил. «Как они не понимают, – удивлялась Моура, – я тебя уважаю, очень уважаю, но я люблю своего бойфренда».

ки, и за успех засчитывают очки. Мы выбираем «тройку» сами, предположим, самых быстрых. Они бегут, и тот, кто выиграл забег, приносит команде одно очко. Вдобавок тот, кто показал лучшее время, приносит еще два очка. Потом полагалось обходить стойки, потом – кто сильнее бросит, потом – кто меньшим числом шайб собьет четыре мишени в разных углах ворот. В конце – буллиты. По очереди выставляются все три вратаря, и каждая команда – восемнадцать человек – бьет буллиты. Каждый гол – это очко. Я бросал Гашеку, но не забил. В конце, когда проходило рукопожатие и я к нему подъехал, он сказал: «Я думал, ты будешь бить, как в Праге, помнишь, как ты мне забил в восемьдесят четвертом?» Тогда я забил гол Гашеку, выходя с правого края и показывая, что буду идти вдоль ворот, а когда он стал смещаться, я, переложив клюшку в одну руку, потихоньку загнал шайбу в ближний угол. Посмеялись. Гашек до сих пор неплохо говорит по-русски.

Народу пришло очень много, тысяч двадцать – столько, сколько вмещает полный стадион «Шаркс». Серьезности конкурса нужно было придать какой-то оттенок, чтобы люди почувствовали праздник. Поэтому комментарий на стадионе был наполнен всевозможными шутками. Комментаторы ездили на коньках, их на льду каталось трое или четверо. Они никого и ничего не пропускали.

Вечером состоялся грандиозный прием на военно-воздушной базе, неподалеку от Сан-Хосе. По специальным про-

пускам (на военную базу так просто не попадешь), в огромном ангаре, ремонтном или стояночном, точно я не знаю. Самолеты из ангара убрали, но один стоял в углу. Каких только аттракционов в ангаре не было, сделали даже чертово колесо! Креветки, устрицы, лобстеры горами лежали. Музыка грохотала, викторины разыгрывались, а все оставшееся место в огромном ангаре было занято людьми. Там, конечно, собрались все: и игроки, и руководство Лиги, и руководство профсоюза игроков, и хозяева, и генеральные менеджеры, и доктора команд. Для докторов Оллстарзгейм как бы поощрение, каждая команда посылает своих медиков, чтобы они могли встретиться и пообщаться, у них там в это время свои семинары проводятся.

Присутствие членов «партии и правительства», другими словами, сенаторов, конгрессменов, по-моему, не предусматривается праздником. Может, кто-то и приехал, но политики никак не были обозначены. Зато везде стояли на постах ребята-военные в парадной форме. Ходишь по ангару – одни знакомые, устаешь общаться. Встали мы, русские, к одному столу и далеко от него не отрывались. Люди подходили к нам, многих я не видел давно. Наш стол – это Паша Буре, я, Олег Твердовский и Володя Буре – отец Паши. Когда все уже собирались переезжать в ночной бар, мы отправились в гостиницу, потому что приехала телекоманда из Москвы. Люди прибыли по-русски, без звонка, пришлось им уделять внимание, не бросать же, тем более – приехали они без ак-

кредитации, без заявки на нее, значит, надо помогать им добывать пропуска, чтобы они могли везде пройти, а вот снимать было запрещено.

У каждой конференции есть свой тренер, он же тренер ведущей команды чемпионата. Не важно, может быть, к началу Оллстарзгейма эти команды уже не будут на первом месте, но именно к определенной дате, допустим, 20 декабря, тренеры команд, имеющих лучший результат в каждой конференции, назначаются тренерами, а менеджеры этих клубов начинают создавать команды Оллстарз. Принцип такой: тринадцать команд в каждой конференции, и обязательно должен быть представитель от каждой команды. Дальше уже подбирают. Во-первых, шесть человек, которых выбрали болельщики голосованием: «пятерка» и вратарь. По две кандидатуры, как я уже писал, может предлагать комиссионер Лиги. Так собираются команды Оллстарз.

Наш тренер заранее объявил, что утренней раскатки перед игрой не будет, расслабленность полная. Каждый игрок имел право пригласить в этот день на матч родителей, родственников или двух друзей. За счет организаторов им предоставляются даже номера в гостинице, где для всех гостей был организован обед. Для каждой конференции в разных ресторанах тоже накрыли столы. Открыли в гостинице большой зал, куда все могли прийти. Весь день перед игрой друзья и родственники там прогуливались.

Вообще, деление на Восток и Запад довольно условное.

Ведь Детройт, играющий в Западной конференции, ближе к Восточному побережью, чем к Калифорнии, которая на Западном. Но на Западе, наверное, не хватает команд, поэтому в свое время и были именно так составлены конференции, но, допустим, «Чикаго» – «Детройт» всегда будут в одной группе, потому что их встречи приводят зрителей на трибуну. Старые традиционные битвы. Как «Спартак» – «Динамо».

Наша команда «Запад» проиграла 7:11 – это все видели по телевизору. Игра получилась без обороны. Никто заранее не сговаривается, что не будет силовых приемов, что по бортам никого не будут размазывать. Это само собой разумеется. Последнее удаление на Оллстарзгейме было в 1985 году. Я, тогда игрок сборной СССР и ЦСКА, во время очередного канадского турне сборной оказался зрителем как раз на той самой игре: Пол Коффи кого-то зацепил за ногу, игрок упал. Пола удалили.

Оллстарзгейм – игра, которая проходит на чистом мастерстве, без удалений, без драк: драчунов туда не выбирают. Отчасти – холодное исполнение без души. Горячих чувств в эту игру не вкладывают. Правда, последние два года стали вводить какие-то премии для победителей, а до этого просто люди играли в хоккей в свои выходные. Но если говорить о матче, в котором я участвовал, то игра получилась достаточно зрелищной: много голов, а в третьем периоде мы сделали, кажется, двадцать один бросок. Гашек стоял насмерть, забить

ему в этот день было невозможно, он творил чудеса. Так что зрители не были разочарованы. К тому же играли два представителя «Сан-Хосе Шаркс» – любимцы местной публики Уэн Нолан и Тони Гранато. Случай с Гранато – уникальный в хоккее. Ему сделали в прошлом году трепанацию черепа – вырезали опухоль, а в этом – парень уже играет. Когда представляли его на льду, стадион встал и все игроки ему хлопали. Как надо любить хоккей, каким надо быть не то что мужественным – отчаянным, чтобы после такой операции выйти опять на лед! Тем более что стиль игры Тони более чем активный: он не «технарь», поэтому лезет во все «горячие точки», хотя сам невысокого роста, точнее, просто маленький парень. У болельщиков появление Тони на льду всегда вызывает восторг и овации. Нолан в этой игре забил три гола, то есть сделал хет-трик. Когда стали объявлять лучшего игрока матча, весь стадион кричал: «Нолан, Нолан!» Однако приз отдали Марку Рики из «Монреалья», и стадион начал гудеть: мол, неправильно. Марк тоже забил три гола, но за команду-победительницу. Ему и вручили джип «блейзер».

Закончились эти два дня. На скилкомпетишен я в раздевалке много времени проводил с ребятами, поговорить с которыми во время сезона не удастся, если не играешь в одной команде. Наконец пообщался с Крисом Челиосом, мы столько играем друг против друга и никогда – в одной команде. А нам есть что вспомнить: и Олимпийские игры в Сараево, и всевозможные суперсерии. Много было ребят, с которыми

я сталкивался только на льду, только как с хоккеистами под такими-то номерами. А здесь после игры мы сидели в раздевалке, говорили обо всем на свете. Там у них в Сан-Хосе сауна, посидели и в ней с пивом, вспомнили прошлые сражения. Дружелюбная обстановка; наверное, она всегда такой получается, когда все свои собираются, все из одного бизнеса, всем все понятно, ничего объяснять не надо. Обидно, что с нами не было Игоря Ларионова, но я уверен, что он будет в составе следующего Оллстарзгейма.

Вечером мы своей русской компанией пошли на ужин, заняли большой банкетный стол. Сидели, болтали, а к нам приходили ребята из разных клубов. Московские телевизионщики брали интервью, хотя это категорически запрещено, но там в секьюрити ребята были знакомые, разрешили. Сидели до самого закрытия. Сережа Макаров был с нами. Потом пошли в гостиницу и по дороге встретили Гарри Бетмена и всех его заместителей: Стива Саломона, Брайана Бурга и председателя профсоюза игроков Боба Гудену. Я поблагодарил их за то, что они меня пригласили. Брайан ответил, что если бы я приехал лет на десять пораньше, то играл бы все эти десять лет. Гулянье продолжалось, но мы поднялись ко мне в номер: Паша Буре, Олег Твердовский. Мы сидели и обсуждали свои дела еще часа два. Потом Володя Буре зашел, телевизионщики забежали, рассказывали последние московские новости. Разошлись часа в три, а утром уже улетать – нам надо было успеть на очередную игру: «Детройт» на следующий день по

расписанию играл с «Монреаль Канадиенс». Мы с Брейде-ном полетели сразу в Монреаль, а Стиви Айзерман с женой и Лада – в Детройт. Стиви уже из Детройта вместе с командой прилетел на самолете в Монреаль. И хотя мы с Брейде-ном прилетели быстрее, дорога все же заняла девять часов. Но не только поэтому к матчу я восстанавливался непросто. Слишком эмоциональный, хотя и хоккейный, получился перерыв. Но я думаю, что иногда такие два дня в жизни дают больше, чем месячный отдых.

Я впервые провел пару дней в высшем хоккейном обществе. Более того, я ощущал себя равным великим игрокам НХЛ – сильнейшей хоккейной лиги на сегодняшний день в мире. Я заслужил то, что дается не только долгим стажем, не только десятками наград и званий, а еще чем-то, что объяснить невозможно. Может, уважением лучших и сильнейших. Мог ли я об этом мечтать несколько лет назад!

Глава 2

«Плодить миллионеров мы не имеем права»

Первый раз я узнал, что у меня появился шанс играть в НХЛ, 23 февраля 1988 года, в самолете, когда мы летели над Атлантикой, возвращаясь из Калгари в Москву после зимней Олимпиады. Меня пригласили в первый салон к руководству Спорткомитета СССР (там олимпийские герои сидели вместе с начальством) и сообщили, что на протяжении всех Олимпийских игр с менеджером из «Нью-Джерси» постоянно велись переговоры о том, как этот клуб может меня купить. Так на высоте в десять тысяч метров мне стало известно о планах продажи меня в Лигу. Руководители пили шампанское – сборная СССР победила в командном зачете, всех ожидали ордена. Министр и его заместитель мне говорят: «Сейчас прилетишь в Москву, посоветуйся с семьей, подумай хорошенько. Мы тебя ждем с ответом через пару дней в Спорткомитете». Я отвечаю: «Что мне думать? Я согласен». – «Ты не торопись, поезжай домой, все обмозгуй хорошенько».

Через пару дней меня действительно вызвали в Спорткомитет, и я подтвердил свое согласие, сказав, что семья не против переезда в Америку. Главная проблема была – это

уволиться из армии. Как и все игроки армейского клуба, я имел офицерские погоны и на льду дослужился до майора, однако по советским законам из армии увольняли только через двадцать пять лет выслуги. Но как мне сказал министр по делам спорта Марат Грамов еще в самолете, этот вопрос он решит с министром обороны Язовым сам, так как они в очень хороших, чуть ли не приятельских отношениях. Грамов сурово и веско заметил, что я заслужил длительную командировку в Америку. Правда, перед Олимпийскими играми Вячеслав Иванович Колосков, который в те годы был начальником сразу двух крупнейших управлений в Спорткомитете – футбола и хоккея, – произнес загадочную фразу: «Мнение в руководстве такое: если выиграте Олимпийские игры, то ты первый поедешь». Куда поедешь – надо было догадываться самому. Ничего насчет переговоров НХЛ со Спорткомитетом СССР я не знал. Я даже не знал, какой командой я задрафтован, куда могу попасть. Все, что касалось НХЛ, для меня, как и для любого игрока сборной Союза, темный лес.

Калгари я расценивал для себя как мои последние Олимпийские игры и весь сезон очень серьезно к ним готовился. Впрочем, не только я, все мои партнеры по знаменитой советской «пятерке» понимали, что для нас это, скорее всего, последняя Олимпиада. Не знаю, что думали ребята, что они чувствовали, но у меня на весь год был более чем серьезный настрой. Я смотрел на все, что происходит, через приз-

му Олимпийских игр. Дело даже не в том, чтобы сыграть в Калгари хорошо, – мне обязательно надо было там выиграть. Конечно, я не думал, поеду или не поеду в Америку. Как я уже сказал, мне буквально перед самым отъездом намекнул на такую возможность Колосков: то ли по секрету, то ли по дружбе. Придало ли мне это сообщение силы, чтобы лучше сыграть, или создало больше нервозности – не помню. Скорее всего, я это в голове не держал. Просто хотел закончить спортивную карьеру олимпийским чемпионом. Не помню другого такого сезона, где бы я был так сконцентрирован в течение всего чемпионата страны.

Накануне Игр приятная новость – на общем собрании олимпийской команды меня выбрали капитаном всей зимней сборной. Когда смотришь открытие Олимпийских игр, торжественную церемонию, парад, мне кажется, прежде всего запоминается спортсмен, который несет флаг своей страны. Во всех архивах, для всех спортивных историков, летописцев олимпиад имя знаменосца остается навеки. Но мне не удалось пронести советский флаг в Калгари, хотя «по должности», как капитану команды, мне полагалось это сделать.

В день открытия Игр хоккейная сборная должна была встречаться уже не помню с кем, но с одной из слабейших команд в олимпийском турнире. Из-за парада могло получиться так, что я бы опоздал на игру, и наш тренер Тихонов не разрешил мне отправиться на церемонию открытия

Игр. По его мнению, игра предстояла важная, самое главное, как он говорил, задать тон. Признаюсь, я был раздавлен. Не то чтобы во мне бушевали какие-то амбиции, просто, когда человеку вдруг дается такая возможность, причем понятно, что она может быть только раз в жизни, ты об этом невольно начинаешь думать. Если бы меня никуда не выбрали, я бы и не задумывался об этом никогда. Но случилось, я уже раз-мечтался, а накануне вечером перед открытием мне сообщают, что я не стану знаменосцем олимпийской сборной, потому что у нас очень важная игра то ли с норвежцами, то ли с голландцами... Неприятный осадок на душе – вот первое впечатление от Калгари. Я не думаю, что, если бы даже весь вечер носил по стадиону советский флаг, мне бы это помешало сыграть хорошо. Мне кажется другое: Тихонов ничего из сборной не хотел видеть хоть в чем-то впереди себя... Например, Владика Третьяка он начал «душить» сразу, как только почувствовал, что команда во многом играет благодаря авторитету Третьяка. Олимпийские игры 1980 года мы проиграли только из-за того, что после первого периода он убрал Владика из ворот. Сколько я потом ни разговаривал с американцами, которые участвовали в этой игре, все в один голос говорили: «Нам дало дополнительные силы то, что мы вышли после перерыва на лед и увидели, что в воротах нет Третьяка. Мы глазам своим не могли поверить».

В общем, не дали мне пройти с флагом на открытии. Правда, я нес его на закрытии Игр, но это уже было не так

торжественно, хотя все равно ощущение незабываемое.

Я познакомился с лучшими североамериканскими хоккеистами в 1977 году. В восемнадцать лет меня пригласили в первую сборную Советского Союза, и я играл в ее составе весной в Вене – это был мой первый чемпионат мира и первый чемпионат, в котором разрешили играть профессионалам. В общем, я не сыграл ни на одном чемпионате мира, где были бы только любители. Тогда в Вену приехали Тони и Фил Эспозито, Кешма и многие известные игроки из Лиги. Тем не менее мы их обыграли, хотя сам чемпионат мира проиграли. И все же я считаю, что в Вене был один из сильнейших составов сборной Союза за всю ее историю. Возможно, еще такой же набор выдающихся игроков и по мастерству, и по опыту был на Олимпийских играх 1980 года в Лейк-Плэсиде (и этот турнир мы тоже проиграли). По сумме всех качеств, которые могут служить характеристикой команды, эти сборные, на мой взгляд, были выдающимися.

И все равно чемпионат мира в Вене у меня самый памятный, потому что первый. В матче с финнами Борис Павлович Кулагин впервые выпустил меня – шел второй период, – и я сразу же забил гол. Саша Мальцев отдал пас под синюю линию, я бросил и забил! Все впечатления были настолько яркими (мне же тогда прямо перед чемпионатом исполнилось девятнадцать), что они навсегда остались в памяти. Горечь поражения тоже незабываемая, потому что до этого на уров-

не сборных я никогда не проигрывал, хотя они и были юниорские и юношеские. Такое двойственное впечатление: с одной стороны, чисто мальчишеская гордость (я в сборной!), а с другой – совершенно взрослая горечь поражения. Как же так – уступили «золото», играя с такими великими мастерами? В Вену я поехал седьмым защитником, и меня ставили все время с разными партнерами.

В том же году я участвовал в юниорском чемпионате в Канаде, где мы выиграли золотые медали, обыграв в полуфинале канадскую сборную с Греции. Потом я постоянно играл против американцев, мы тогда регулярно встречались с командами ВХА – Всемирной хоккейной ассоциации, но в нее входили те же профессионалы. В декабре 1977 года сборная СССР играла против команд ВХА, и я присоединился к ней там же, в Канаде, сразу после юниорского чемпионата мира. Мысли оказаться в канадском или американском клубе никогда не возникало, потому что официально никто бы меня, понятно, не отпустил, а взять и убежать – это казалось невозможным. Я думаю, у меня, как и у большинства советских людей, существовал врожденный страх: трудно было себе представить, что ты делаешь карьеру на Западе, но тем самым губишь всю свою семью, всех родственников. Но я всегда знал, что могу прилично сыграть в Америке, тем более в том возрасте, когда сил – вагон, и дерзости не меньше, и присущее молодому хоккеисту, молодому человеку честолюбие – все было.

А в сильнейшем советском хоккейном клубе ЦСКА я начал играть в 1976-м, в паре с уже опытным и знаменитым Геннадием Цыганковым. В том году во время предсезонных турниров специально созданная экспериментальная сборная уехала на первый Кубок Канады. Похоже, что руководство Спорткомитета подстраховалось на случай поражения, и команду разбавили, оставив дома «тройку» Петрова, Цыганкова, еще кого-то. В общем, получилось так, что поехала половина состава первой сборной и половина – второй. Так как Геннадий Цыганков остался, а Александр Гусев, его партнер, уехал на Кубок Канады, то Константин Борисович Локтев поставил меня в пару к Цыганкову. А Гена и Саша были защитниками в ЦСКА у первого звена. И когда Саша вернулся с Кубка, Локтев меня оставил в первой «пятерке». Нужно ли описывать чувства семнадцатилетнего парня, оказавшегося в лучшем советском хоккейном клубе, да еще в сильнейшем его звене?! Хотя я хорошо помню, что первая «тройка» и Цыганков были иногда мной недовольны, потому что ошибки, которые обычно делает новичок, в их микрокоманде уже давно забыли. Однако Константин Борисович настоял на своем. Так что «звезды» порой ворчали, но в конце концов довольно терпеливо ко мне относились, и я им всем за это очень благодарен. Думаю, что, поставив меня к этим величайшим игрокам, Локтев во многом решил мою судьбу. Вероятно, это дало мне преимущество в год, а то и в два перед моими сверстниками. И потом, когда ты рядом с такими

игроками, меняется не только отношение к тебе противников и болельщиков – меняешься и ты сам. Уверенности в себе становится намного больше, хотя от суперзвезд советского хоккея я долго слышал два окрика: «Не суетись!» и «Не спеши!»

Мальчишество я быстро из себя вытравил. Пас у ворот, который легко проходит в юниорском хоккее, во взрослом чреват большими неприятностями. Но от этого сразу не избавишься, такие ошибки есть у любого, кто начинает играть в высшей лиге. То покрикивая, то подбадривая, Гена Цыганков мне постоянно подсказывал, как лучше всего в определенный момент сыграть в защите. Надо сказать, что и Локтев в то время много со мной работал, оставлял после тренировок, проводил долгие разъяснительные беседы. Он мне дал шанс: пригласил в команду в то время, когда конкуренция в ней была огромная – в ЦСКА играли шесть защитников, да каких! – любой мог выступать за национальную сборную. Локтев – замечательный человек, у меня о нем остались только хорошие воспоминания, он был большим хоккеистом и, я думаю, большим тренером, что встречается крайне редко. Я испытал шок, когда его сняли с поста старшего тренера ЦСКА. Чисто по-мальчишески я недоумевал и все спрашивал: «Как же так? Мы же выиграли чемпионат страны, обыграли „Спартак“ (сильную в те годы команду, в предыдущем сезоне мы уступили ей первенство). Как же так?» Я в это время находился в госпитале, меня определили туда в обяза-

тельном порядке – вырезать гланды. Там меня навелили ребята и сообщили эту новость. Ребята рассказали, что на банкете по случаю окончания сезона Локтев встал и произнес: «У вас будет новый тренер, но я вам обещаю, я цеэсковец, я здесь вырос, это мой дом, и, естественно, никогда в другой команде работать не буду. Я вернусь». После этого «тоста» Константин Борисович ушел с банкета с женой.

Действительно, Локтев остался верен ЦСКА. Насколько я знаю, у него было много предложений из разных команд, но он ни одно не принял и так и не вернулся к тренерской работе. Абсолютно уверен, что советский хоккей потерял сильного тренера. Но тогда никого это не волновало – страна большая, людей много, замену, считали, можно найти каждому. Это реалии той жизни: человека, который выиграл чемпионат страны, в момент убрали из команды. Возможно, эта история психологически сильно сказалась на дальнейшей судьбе Константина Борисовича. Поэтому я не исключаю, что с ней связан и ранний уход Локтева из жизни...

Но вернемся в 1988 год, на Олимпиаду в Калгари. Внешне она складывалась для сборной очень легко. Я уже не помню турнир со всеми подробностями, но матч с американцами у нас был непростой, очень непростой. И здорово шведы подготовились к Олимпиаде. Для нас игра с ними оказалась игрой за первое место, потому что если мы выигрывали у шведов, то за тур до окончания становились чемпиона-

ми Олимпийских игр. Естественно, встреча получилась и напряженной, и нервной, но сборная страны сыграла неплохо. А для меня турнир в Калгари был одним из самых удачных. Кстати, почти все те, кто выступал в Калгари за американскую команду, естественно, любители, сейчас играют в Национальной хоккейной лиге, причем на ведущих ролях. Тогда они были молодыми, но очень талантливыми ребятами: Брайн Литч, Крис Тэрери, вратари Рихтер и Ван Бисбрук. Но я и подумать не мог, что они – мои будущие соперники по Лиге.

Я был на трех олимпиадах, но ощущение олимпийского праздника, которое всегда присуще этим соревнованиям, в Калгари чувствовалось сильнее, чем в Сараево и, уж конечно, Лейк-Плэсиде. Потом, когда я разговаривал с ребятами, которые участвовали и в последующих Олимпийских играх, все они как один говорили: Калгари – лучшие зимние Игры! Постоянное ощущение всемирного праздника. Началось «потепление» – Горбачев, перестройка. Советский Союз немного раскрылся, наступила новая эра – без угроз ядерной катастрофы. В Олимпийской деревне мы жили совсем не так, как жили восемь лет назад в Лейк-Плэсиде. От тех Олимпийских игр – ужасное впечатление. Поселили в лесу, в здании будущей тюрьмы. Собаки, колючая проволока, снег, даже вышки с автоматчиками – не Америка, а сибирский концлагерь. А в Калгари все прекрасно организовано, все дружелюбны. И впервые все вместе жили, в одной «дерев-

не», не по корпусам: здесь «соцлагерь», здесь «каплагерь», здесь советские гуляют, а здесь американские. В Калгари я в первый раз почувствовал, что Олимпийские игры действительно мировой праздник, действительно то, о чем надо мечтать. Благодаря такой атмосфере мне легко игралось. Получилась прекрасная Олимпиада и по настроению, и по результатам.

Когда-нибудь я спрошу у Колоскова: как пришла к советскому начальству мысль отпустить игрока хоккейной сборной на Запад? Почему надо было отдавать ведущего игрока в НХЛ? С чего это вдруг? Неужели гласность и перестройка так на них повлияли? Правда, в то время наши футболисты уже года два или три играли на Западе. Но футбол не приносил таких побед и не был в СССР так политизирован, как хоккей.

Уже потом, играя в НХЛ, я узнал, что хозяин «Нью-Джерси Девилз» доктор Макмален в то время делал большой бизнес с Советским Союзом и мечтал заполучить кого-нибудь из известных советских хоккеистов к себе в команду. Поэтому он поставил меня и Касатонова еще в 1983-м на драфт «Нью-Джерси» и с тех пор постоянно «бомбил» и американское посольство в Москве, и советское в Вашингтоне, рассылал повсюду письма с предложениями о контракте, короче, использовал все возможности для давления на советских начальников. Я думаю, определенная заслуга в том, что в Лиге играют русские, принадлежит ему. У меня с доктором Макмале-

ном, когда я играл в «Нью-Джерси», сложились очень хорошие отношения, и он нередко мне рассказывал, как все происходило, как он мотался на все приемы в советское посольство, регулярно встречаясь с послом Добрыниным и напоминая, что он ждет советских хоккеистов. Может, активность мистера Макмалена и сыграла свою роль. Насколько я знаю, Луи Ламарелло, менеджер и президент клуба «Нью-Джерси Девилз», тоже постоянно встречался с советским спортивным руководством, вел переговоры. Во время Олимпийских игр Лу три или четыре раза прилетал в Калгари на встречи с Грамовым и Колосковым.

Когда Колосков сказал мне перед отъездом о возможной работе в НХЛ, в принципе ничего неожиданного в его словах не было. Потому что, как я уже говорил, футболисты потихоньку начали уезжать, а хоккеисты (правда, не уровня сборной, но из высшей лиги) уже достаточно давно играли в европейских хоккейных клубах. Но НХЛ – это совсем другое, это Америка, это то, что хотелось попробовать. Хотя нас и называли «любителями», мы, конечно, были профессионалами. Своеобразными, по советскому фасону, но профессионалами. Ничего другого, кроме хоккея, мы не знали, занимались им одиннадцать месяцев в году, даже больше, чем американские профессионалы. И хотя было такое ощущение, что уже близко время, когда ребят начнут отпускать в НХЛ, но я понятия не имел, что «Нью-Джерси» меня уже задрафтовал. Никакой информации из Лиги до игроков в Москве не до-

ходило. Когда мы приезжали играть в Америку, нас от всего изолировали, никому с нами общаться не давали, английского языка мы не знали, а за беседу с эмигрантами могли не взять в следующую поездку. И конечно, в советской прессе ничего, кроме критики в адрес НХЛ, не могло появляться. Отношение к американскому хоккею, как и ко всему американскому, было у начальников крайне отрицательным. Но в том чартерном самолете, на обратном пути из Калгари в Москву, царило совсем другое настроение: мы выиграли Олимпийские игры! И это, конечно, повлияло на откровенность Грамова. Как только мне представилась возможность попробовать себя в НХЛ, вопроса для меня – смогу или не смогу – не существовало. Я считал, что мне вполне по силам играть в Америке, хотя даже записей, как у них проходит регулярный чемпионат, я никогда не видел.

То есть я совершенно не имел понятия, кто там играет и как. Наши суперсерии, эти рандеву в Канаде давали единственное представление об игре североамериканцев. Я считал, что никогда не выглядел против них плохо, а по статистике, на чемпионатах мира больше всего очков и голов я набрал именно в играх против канадцев.

ЛАДА: Я думаю, в то время не было ни одного советского хоккеиста, который бы не хотел поехать и попробовать себя в НХЛ. Когда началась вся заваруха с отъездом Славы, мы про деньги вообще ничего не знали: какие могут быть там контракты?

Какие суммы? Одни называли тысячи, другие – сотни тысяч. Некоторые говорили про миллионы. В Москве мы не представляли, что означают такие деньги. Когда Слава подписал свой первый контракт с «Нью-Джерси», он оказался в то время одним из самых высокооплачиваемых защитников в Лиге. А уже через два-три года суммы контрактов быстро взлетели. В Лигу начали входить новые команды, телевидение стало подписывать контракты с клубами. Слава богу, что сейчас молодые ребята могут зарабатывать приличные деньги, все же у хоккеистов слишком короткий отрезок времени, когда они в состоянии обеспечить будущее для себя и своей семьи. Но тогда, в конце восьмидесятых, в Москве о деньгах говорилось в последнюю очередь, речь прежде всего шла о престиже. Надо знать систему, в которой Слава вырос, надо знать судьбы спортсменов, которые в его возрасте уже были вычеркнуты из спорта, а Славе исполнилось в тот год тридцать.

Люди, которые прошли школу ЦСКА, не умеют проигрывать. Они всегда номер один, самые лучшие. А Слава даже среди них – уникальный случай. Мы с ним дома играем в нарды, и, если я выигрываю, у нас нарды летят со стола во все углы. В карты если проиграл, лучше к нему не подходить. В Ялте была такая история. Мы с ребятами сели за карты. Слава, я, Мышкин и Саша Скворцов с женами. Играли вшестером в дурака, жены против мужей. Кто продует – лезет под стол, кукарекает три раза. А какой в гостинице стол? У Скворцова жена была немелкой комплекции. У меня

рост тоже хороший, и лазить туда было нелегко. А они нас буквально обдирали. Мы только успевали ползать под столом и «кукареку» кричать.

Наши мужья предлагают: «Кукареку» – это уже неинтересно. Давайте, кто проиграет, будет выходить на балкон и кричать три раза: «Я дурак» или «Я дура». Начали играть, и мы выигрываем! Мало того что игра прекратилась моментально, – кто-нибудь вышел на балкон или даже открыл окошко, чтобы покричать? Нет. Мы сидим, я говорю: «Так, ребята, в чем дело? Вы выигрывали, мы честно лазили под стол и кукарекали. А теперь вы должны выйти на балкон. Можете даже не выходить, я вам открою форточку. Даже не кричите, скажите тихим шепотом, даже не три раза, а по разочку, но пусть каждый скажет, что он дурак». Они это сделали? Нет. Они с нами разругались, хлопнули дверью и ушли из номера. Утром вышли на пляж, и никто с женами не разговаривает! Я у девчонок спрашиваю: «Ну и как?» – «Спали хорошо, – говорят, – но на разных концах кроватей». А были бы разные комнаты, спали бы в разных комнатах. Точно не скажу, но думаю, до вечера ребята дулись. Тяжело приняли проигрыш в карты, а представьте поражение на льду?

Для Славы поехать в НХЛ – это возможность доказать себе в первую очередь, что в его силах сыграть и там на высоком уровне. Тогда же американские газеты писали: кого обыгрывают русские? Когда сборная Канады или Америки приезжает на чемпионаты мира, это дети из колледжа, то есть игроки-студенты, не

профессионалы, не игроки Лиги. А вот если бы собрались все игроки Лиги, то русским нечего было бы делать. Конечно, и эти высказывания, которые до нас доходили, невероятно задевали самолюбие мужа. Ему хотелось попробовать себя в НХЛ, ему хотелось почувствовать, узнать американский хоккей. Славе, повторю, было уже тридцать, не мальчик, который едет и ничего не знает. Он прекрасно понимал, что у него осталось совсем немного активных лет на льду и пора уже было решать, что делать дальше.

Сейчас я думаю, что, когда руководство Спорткомитета почувствовало, что на нас есть большой спрос, а в связи с новой политикой рано или поздно придется хоккеистов отпустить, они решили заработать большие деньги на наших договорах. В это время уже появился Совинтерспорт – фирма при Спорткомитете, занимающаяся западными контрактами советских спортсменов. У спортсмена тогда никто не спрашивал, сколько ему платить. Сколько хотели, столько нам и отдавали, остальное оставляли себе. Не знаю, главная ли это была причина нашей свободы или нет, но думаю, такой расклад имел место. Совинтерспорт считал хоккеистов хорошим товаром. Я не в курсе, как оно на самом деле оказалось для советских спортивных чиновников, но хоккей действительно мог стать отличным бизнесом. Но не стал по многим причинам до сих пор, и прежде всего потому, что грамотных людей не нашлось, а попытка работать по-советски результата, естественно, дать не могла.

Мое первое знакомство с Совинтерспортом – это отдельный рассказ. Забегу немного вперед. После чемпионата мира 1989 года меня с Игорем Ларионовым пригласили товарищ Никитин и товарищ Галаев, который в то время возглавлял, да и сейчас вроде возглавляет эту фирму. Сначала Никитин (он был, по-моему, заместителем начальника) вел с нами долгую беседу, рассказывал, сколько мы можем заработать, пересчитал нам доллары на рубли – огромные получились деньги. Мы сказали, что потрясены, но сколько это будет в реальных цифрах, сколько будет записано в контракте, который Совинтерспорт собирался подписать вместо нас с клубами НХЛ? Никитин замялся. «Вы же знаете, – говорит он, – что у нас спортсмены не могут получать больше, чем посол Советского Союза. (А посол получал тогда около тысячи долларов в месяц. Следовательно, все, что выше этой цифры, перечислялось в Совинтерспорт, а оттуда уже в Спорткомитет.) Но ввиду того, что у вас большие заслуги перед Родиной, вам разрешено получать десять процентов от контракта». Мы с Игорем посмотрели друг на друга: «Что-то мы не поняли? Что значит десять процентов?» – «Как что? Видите, у нас инструкция ЦК партии о том, что новые сейчас веяния в стране. О том, что спортсменов нужно отпускать. Но нам негласно дали указание, что плодить миллионеров мы не имеем права». Я говорю: «Ну а почему не пять, почему не пятнадцать, не двадцать процентов? Почему десять?» – «Мы считаем, что это оптимальная цифра». Мы с Игорем

снова переглянулись и заявили, что не согласны. Никитин позвонил Галаеву.

Пришел Галаев, и опять началось то же самое: только теперь уже начальник стал рисовать нам светлое будущее – сколько у нас будет денег, если их перевести в рубли, сколько можно будет на них купить «жигулей», «Волг»... Но мы все это уже слышали. Тогда я его остановил и сказал: «Я отыграл тринадцать лет за национальную сборную, отдал все силы, что у меня есть, своей стране. И думаю, что мне не стыдно за то, как я выступал. Я считаю, что тот контракт, который мне предложат в «Нью-Джерси», я в состоянии сам подписать, сам распоряжаться своими деньгами». Никитин и Галаев начали смеяться, махать руками: «Ну вы и шутники». – «Тем не менее, – говорю я, – таково мое мнение. Игорь меня поддерживает». Товарищи Никитин и Галаев поражены: «А как же государство, которое вас вырастило?» Начали пересчитывать, сколько человеко-часов было затрачено для того, чтобы нас вырастить до заслуженных мастеров спорта. У них, кстати, заранее все раскладки были, посчитали, говорят: вот посмотрите, сколько государство на вас затратило. Я в ответ: мы отработали все эти человеко-часы, а компенсация клубу за нас должна быть помимо контракта. Я в то время понятия не имел, как делается подобная бухгалтерия. Просто я логически рассуждал, что контракт игрока должен быть для игрока, а любая компенсация, то есть трансфертные деньги, – это уже контракт с клубом НХЛ. По какому-то наитию так и

сказал: «Это ваши проблемы, и решайте их с руководством НХЛ». Они опять стали смеяться: «Ребята, вы с луны свалились, откуда вы такие взялись?» В итоге они расщедрились до двадцати процентов и на прощание заметили, что если мы будем продолжать ерепениться, то вернемся опять к десяти. Вот такая она была – моя первая встреча с Совинтерспортом. Была еще одна, но короткая, больше я с представителями этой организации в Москве не встречался.

Интересен в связи с моим приглашением еще и такой факт: по-моему, Грамов и понятия не имел, что такое «Нью-Джерси», поэтому мне в самолете он сказал: «Приезжал хозяин или – как его там? – менеджер „Нью-Джерси“. Я ему пообещал, что вопрос этот решим». Я даже не спросил: почему «Нью-Джерси»? Это все для меня далеко было. Я ответил: «Хорошо, согласен». Я понимал, что команда носит имя города, хотя тоже не знал, где тот находится. Нью-Джерси должен быть городом, убеждал я себя, у нас же не было областных команд. Тем более что с «Дьяволами» ЦСКА до этого никогда не играл. Английского языка я не знал, потому что в школе, когда нам начали преподавать иностранный язык, учеников разбили по алфавиту на тех, кто будет учить английский, и тех, кто во второй части списка, – немецкий. Понятно, что я попал в немецкую группу. Я неплохо говорил по-немецки, по крайней мере, мне так казалось, но английский был для меня тогда темный лес.

Но страха перед поездкой в неведомое я не испытывал.

Что такое страх, я узнал, когда в погонах майора стоял перед министром обороны, а вокруг генералы, и нельзя показать, что боишься. Но зато когда вырвался из этого «адского круга», то уже понимал: страшнее не будет.

Но я опять перелистал вперед страницы своей книги. И раз уж начал про то время, закончу воспоминания о страхе. Страшно было мне в Москве, когда сидишь дома один и никто не звонит, никто не заходит, а раньше – не успел приехать, телефон уже разрывается. Я стал причиной скандала, который в Советском Союзе никогда не должен был случиться. Я осмелился заявить, что не хочу играть в команде Тихонова! Люди не понимали, что происходит, куда меня понесло? Симпатизировали, но в основном молча. К моей защите подключились и многие известные артисты: Кобзон, Намин, Фатюшин, Дуров... Саша Розенбаум, рискуя своими сольными концертами в зале «Россия», каждый вечер со сцены говорил слова в мою поддержку. Защищали меня в то время и в прессе, но далеко не все. Я думаю, их вера в меня и помогла пережить страх. Не страх за свою жизнь, а страх перед неизвестностью. Ужасное состояние, когда не знаешь, что с тобой будет завтра. Я это ощутил достаточно сильно, и не только я, но и семья, родители, которые меня полностью поддерживали. Но они, конечно, боялись еще больше, чем я. Они же жизнь прожили в нашей стране. Иногда мама просила: «Сынок, может, извинишься перед ними? Они тебя, на-

верное, простят, и все будет как прежде».

Меня многие в то время спрашивали: ты чего так уперся по поводу НХЛ? В Америку хочешь уехать? Деньги заработать? Двумя словами здесь не отделаться.

Когда Колосков мне намекнул об НХЛ перед Играми, это были просто слова, хотя, может, и приятные слуху. Ты можешь как угодно по этому поводу мечтать, но потом тебя вызывают официально министр и его заместитель, то есть Грамов и Гаврилин, и говорят, что они дали слово генеральному менеджеру американского клуба, что они сами утрясут вопрос о моем увольнении из армии с министром обороны Язовым. А через пару дней ты приходишь в Спорткомитет, и они начинают тебе рассказывать, что вопрос об увольнении из армии – невероятно трудный, потому что советский офицер не имеет права не то что работать за границей, а даже с иностранцами в одном отеле проживать. И хоккеисты не были исключением (выезд за границу считался краткосрочной командировкой, в которую мы отправлялись по всем правилам, вместе с сопровождающими из КГБ, внимательно отслеживающими наши контакты).

Сейчас это выглядит как полный бред, но еще десять лет назад, когда мы приезжали летом в отпуск в Ялту, то не имели права остановиться в хорошей гостинице, потому что там жили четыре-пять туристов с Запада. Хорошо, у нас в Ялте комендант гарнизона был приятелем, мы ходили к нему, что-

бы получить специальное разрешение на проживание в гостинице «Интурист». А иностранцы в Ялте – в основном чехи, поляки, венгры, тогда друзья по Варшавскому пакту. Это было время, когда звезды, которых любила вся страна, имели право только на стометровый отрезок пляжа, тогда как два километра были отданы иностранцам, тем же чехам... Я ничего не имею против чехов, поляков, но все это действительно раздражало: ты находился у себя дома, но все лучшее в нем – для иностранцев. И тем более обидно (обычно у нас отпуск сразу после чемпионата мира), когда ты бьешься с теми же чехами за первое место, они в тебя плюют, обзывают тебя как угодно, чаще всего «оккупантом», игры с ними всегда сопровождалась стычками, а когда ты приезжаешь вроде героем домой, тебя сажают в «клетку». А рядом отдыхают они, но со всеми благами: там и кафе, и рестораны, и блины с икрой... А ты сидишь под наблюдением соответствующих органов, чтобы к иностранцам не приставал и не мешал их отдыху.

И как продолжение подобных издевательств – обещание, что ты уедешь; даешь свое согласие, а тебе говорят: нет, на этот «пляж» попасть невозможно. А у тебя слава на всю страну, ты чемпион Олимпийских игр, ты капитан команды, у тебя известность всемирная... Но звонят твоей жене «доброжелатели» из политуправления армии: «Вы представляете, вас сейчас отправят куда-нибудь на Север, где ни горячей воды нет, ни туалета в доме. Вы же привыкли к хорошим

условиям. Вы такая красивая девушка, зачем вам это надо – ходить в уборную на улице? Повлияйте на мужа как-то». До этого мы с Ладой жили не расписываясь, в гражданском браке, – кстати, тоже вызов для советского общества. Но когда началось такое давление – расписались. Лада героически держалась, отвечая на все звонки одинаково: «Слава знает, что делает, и я полностью его поддерживаю». Когда друзья теряются буквально на глазах, а вся подвешенная ситуация затягивается на долгое время, все попытки вырваться из заколдованного круга бесплодны, невольно перестаешь верить в счастливый исход.

Точка отсчета моего конфликта с советской спортивной системой – июнь 1988-го. Тогда наступил перелом в наших отношениях с Виктором Васильевичем Тихоновым.

Февраль 1988 года. Через три дня после того, как я дал свое согласие в Спорткомитете Союза на отъезд в Америку, меня вызывают в политотдел ЦСКА и говорят: «Пиши заявление об увольнении из армии». Я пишу, естественно, на имя своего начальника полковника Тихонова нечто вроде: «Прошу уволить меня из Вооруженных сил в связи с предстоящим подписанием зарубежного контракта...» – мне в том же политотделе дали такую формулировку – рапорт для выезда за границу. Тихонов мой рапорт подписывает и говорит: «Я передам его дальше по инстанции».

В отпуск мы уезжали в начале июня. До этого дня я регулярно ходил к кадровикам, узнавал: уволили меня или нет?

Мне отвечали: вопрос решается. В это время Лу Ламарелло (ему обещали, что я уже летом буду в «Нью-Джерси») постоянно связывается с Совинтерспортом, а те ему говорят: «Вот-вот Фетисова должны уволить из армии. Будь уверен, что к началу сезона ты его получишь. Все идет как надо». И меня в ЦСКА кормят обещаниями. Только спустя пять лет, во время суда, о котором речь дальше, когда были подняты документы, я многое узнал. А тогда говорили, мол, какой Фетисов неблагодарный, Тихонов – первый, кто подписал ему рапорт об увольнении из армии, не говоря уже о том, что он его игроком сделал, а Фетисов его поносит и поносит. Ну если министр не увольняет, то при чем тут Тихонов? Почему он на него обозлился? Пускай злится на генералов. Но вот что было на самом деле.

В июле начинался предсезонный сбор. Перед ним, отпуская нас на отдых, в клубе провели собрание. Мне на нем сказали: «Езжай в отпуск, ни о чем не думай. Тебе нужно отдохнуть, сезон был тяжелый, олимпийский, ты перенес большие нагрузки». Я, как послушный спортсмен и настоящий советский гражданин, еду в отпуск с Ладой в надежде, что, когда вернусь в Москву, все мои проблемы будут решены. Тем более я знаю, что в это время идут интенсивные переговоры «Нью-Джерси» с Совинтерспортом. Прямо с курорта нас вызывают в Москву. В середине июня, в разгар отпуска, в Ялту, в гостиницу приходит правительственная телеграмма. Мы отдыхали целой компанией: Касатонов, Мака-

ров, еще пять или шесть олимпийцев, все с женами. Читаем текст: «Срочно прибыть в Кремль на награждение». Мы с помощью этой телеграммы берем билеты на самолет (так просто купить билеты в пик летнего сезона было невозможно, но по телеграмме, тем более по такой, нам их продали). Жены остались в Ялте, а мы полетели в столицу на один день. Прилетели, переночевали дома, наутро – в Кремль на награждение, а после обеда собирались снова в самолет и обратно в Симферополь. Настроение хорошее; орден Ленина мне вручают, все – класс, жизнь замечательная. Дома оделся в олимпийскую форму, костюм, который нам выдали перед Калгари. Получил орден, а после награждения – фуршет, все прогуливаются по кремлевскому залу, ко мне многие подходят, поздравляют. Подходит ко мне и Грамов, приведя с собой Горбачева, и говорит: «Михаил Сергеевич! Это наш известный хоккеист Фирсов». Впрочем, Грамову простительно, он и не такое говорил. Потом он еще раз подходит, на этот раз с первым замминистра обороны, который курировал спорт, тот меня поздравляет: «С орденом тебя, и еще поздравляю – твой вопрос решили. Ты едешь в НХЛ, министр обороны согласен. После награждения едем в ЦСКА, а после ЦСКА...» Я говорю: «Мне нужно в Ялту лететь». Но он не слушает: «После ЦСКА тебе дадут машину, заедешь быстро в Совинтерспорт, тебя там ждет приятный сюрприз». Я очумел. Все свершилось вдруг в один момент! Орден, Кремль, Горбачев, решение Язова – такое только в сказке бывает.

Сажают нас по автобусам, армейцев отдельно, объявляя: «У нас в ЦСКА чествование армейских спортсменов! Замминистра и вся армейская элита хотят поприветствовать своих героев». Едем из Кремля на Ленинградский проспект, где мне собирались поставить бюст бронзовый, но не успели, хотя уже начали лепить. Бюсты ставили всем армейцам, кого наградили орденом Ленина, таких было человек тридцать, но я оказался, как позже выяснили, врагом. Об этом дальше, а пока после армейских поздравлений накрыли столы в Офицерском клубе. Там есть отдельные кабинеты для высших генералов, и меня в этот кабинетик и отвели. Сидим: я, Тихонов и замминистра обороны. Он налил по бокалу шампанского и говорит: «Ну, еще раз поздравляем, считаем, что ты должен высоко нести знамя армейского спорта...», и тому подобное.

Я до сих пор не пойму, в курсе ли был Виктор Васильевич, что дальше должно было произойти, или я присутствовал на спектакле. Замминистра протягивает мне бокал: «Ну, давай выпьем». Выпили. Наливает снова: «Ну ладно, Виктор Васильевич, парень поиграл здесь, отдал армейскому спорту достаточно. Теперь, наверное, надо его отпускать?» Виктор Васильевич Тихонов: «Я бы не торопился его отпускать, у нас молодых защитников много, пусть у Фетисова подучатся. Я думаю, он еще годик мог бы поиграть в ЦСКА, а после этого мы с удовольствием его отпустим».

Конечно, Виктор Васильевич совсем не дурак, и тут я по-

нимаю: первый, кто не даст мне уехать, – Тихонов. Он, конечно, рапорт подписал, но со всеми уже обговорил, чтобы меня остановили. Одной фразой Виктор Васильевич перечеркнул мои надежды. Я только и смог вымолвить: «Как?» – «Ну ладно, ладно, – говорит он, – потом разберемся».

Значит, все уже решено. И эта фраза, которая все перевернула с ног на голову, не случайна. Что же творится? Он визирует вроде бы рапорт, а человеку, за которым последняя подпись, говорит, что меня не надо отпускать! Я вроде бы нужен ему для работы, я еще мало поработал на армейский клуб!

Все это потом подтвердилось, через суд я установил все даты. Ламарелло вызвали подписывать контракт именно в тот день. В Совинтерспорте точно не знали, когда будет награждение, поэтому Ламарелло сидел пять дней в Москве, все переговоры провел, вопрос для него был решен. Он был уверен, что с армией уже нет проблем. На суде и цифры назывались, которые были оговорены между «Нью-Джерси» и Совинтерспортом, – больших денег лишил Виктор Васильевич Родину. Очень больших.

В тот же день я увидел и своего будущего генерального менеджера. Меня привезли из этого ресторанный кабинета прямо на Арбат, в Совинтерспорт, я захожу к Галаеву весь в орденах, Лу не может понять, что это такое стоит перед ним, вроде как советский генерал из бондовского фильма, а мне говорят: «Вот твой менеджер из „Нью-Джерси“». Кстати, ко-

гда меня повезли в Совинтерспорт, ко мне в машину посадили человека из ЦСКА и он меня учил: «Ты скажи Ламарелло, что еще не готов». Я говорю: «Как же я не готов, когда я уже дал согласие?» – «Ну ты скажи, что дела затягиваются, что ты еще хочешь поиграть здесь, еще успеешь в „Нью-Джерси“». И мне это все говорят?! Сразу после маленьких посиделок втроем!

Замечу, что, когда я вошел к Галаеву, я не мог по виду определить, кто в кабинете американец, потому что в это время совинтерспортсмены одевались будь здоров, не хуже любых миллионеров. И опять же, перед тем как меня с Лу познакомить, вижу, замешательство какое-то началось в Совинтерспорте. Меня заводят то в один кабинет, то в другой. А Лу уже сидел в конференц-зале с переводчиками, объяснял, как он бизнес делает. Как я потом узнал, все это время его «душили», чтобы больше денег за меня подписать. Завели меня то ли к Галаеву, то ли к Никитину. Они тоже не поймут, что происходит, но команду, похоже, уже получили и начали меня просить, не желая выглядеть дураками, чтобы я сам отказался от поездки, что я, мол, не хочу сейчас играть в НХЛ. Я этого, конечно, Лу не говорил, но не знаю, что они ему переводили, потому что по-английски не понимал ни слова. Лу стал рассказывать что-то про мою будущую команду. Но для меня уже все там, на Ленинградском проспекте, оборвалось. По лицу Ламарелло я понял, что у него тоже происходящее вызывает какое-то недоумение. Он уже готов

все подписать... а меня через пять минут после знакомства уводят, сажают в машину (я действительно опаздывал на самолет) и Лу объясняют: «Славе надо возвращаться к жене». На прощание, правда, мне сказали, что, когда я вернусь из отпуска, мы во всем разберемся.

Я приехал во Внуково с соответствующим настроением: орден Ленина на груди и нож в спине...

Сентябрь 1988 года. В то время сложно было что-то понять в закрутившейся интриге, потому что от человека в СССР мало что зависело. Как все было? Дали – взяли, взяли – дали. Я, когда вернулся из отпуска, заявил: «Тренироваться не буду». Меня вызывают в спорткомитет Министерства обороны. Вызывают в политуправление, таскают везде, где только можно. А для меня самое главное – уволиться. Мне обещают, что какое-то постановление правительства должно выйти буквально на днях.

Перед началом сезона ко мне подходит не сам Тихонов, а второй или третий тренер команды и говорит: «Тебе же все равно тренироваться надо. Тебе же в Америке надо будет играть». Это для меня был самый убедительный довод, и я потихоньку начал тренироваться. Но на сборы не ездил. А на занятия команды приходил, чтобы в форме быть. Потом ЦСКА собирается на матчи в ФРГ, а в это время Ламарелло мне каждый день названивал домой и через переводчика Диму Лопухина, который работал в «Нью-Джерси» (Дима родился в Америке, но родители у него русские, и по-на-

шему он говорил неплохо), спрашивал: как дела? когда приеду? Я обещаю: «Завтра-послезавтра собираются уволить». Для американцев абсолютно непонятная ситуация – сколько можно увольняться? Для Ламарелло вся история со мной – полная загадка, ему уже все было обещано, и не кем-нибудь – министром спорта! Какая-то там армия... При чем здесь армия? Американцам наше советское крепостное право объяснить сложно. Дима продолжал мне звонить каждый день, как на работу, с утра. Я вставал на тренировку – звонок из Нью-Джерси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.